

Государство и паломничества мусульман в Туркестане

Владимир Литвинов

Imperial authorities and the Muslim pilgrimage within Turkestan

Vladimir Litvinov (Bunin Yelets State University, Russia)

О Русском Туркестане сегодня пишут мало, в постсоветский период наметилась тенденция изучать историю Российского государства в рамках его нынешней территории. При этом совершенно игнорируется происходившее в Российской империи переплетение различных этноконфессиональных культур и перманентное межкультурное взаимодействие, в котором русский народ играл организующую и консолидирующую роль, формируя действительно многонациональную государственность и цивилизацию, ставшую затем основой и советской, и нынешней федерации. Поэтому изучение прошлого империи в её целостности принесёт пользу историографии всех стран, некогда входивших в её состав.

Термин «Русский Туркестан» использовался не только в дореволюционной, но отчасти и в советской, и в зарубежной¹ историографии, публицистике, обозначая те территории Средней Азии, которые управлялись непосредственно царской администрацией, поскольку здесь существовали также Бухарский эмират и Хивинское ханство, находившиеся под протекторатом Российской империи, но не входившие в её состав. Русский Туркестан существовал с момента учреждения 12 февраля 1865 г. Туркестанской обл. до Февральской революции 1917 г. В административно-территориальном отношении до 1898 г. (формально даже до лета 1899 г.) данный регион не был единым. В отдельные годы здесь существовало не только Туркестанское генерал-губернаторство, но и не подчинявшаяся ему Закаспийская обл., образованная в 1881 г., и Семиреченская область, являвшаяся частью Степного края (с центром в Омске). В 1898 г. все пять областей Русского Туркестана (Закаспийскую, Семиреченскую, Самаркандскую, Сырдарьинскую и Ферганскую) включили в Туркестанский край, находившийся в ведении Военного министерства.

Побывав в конце 1880-х гг. в Туркестане, будущий вице-король Индии и министр иностранных дел Великобритании Дж.Н. Кёрзон признал, что «русские дали местному мусульманскому населению столько свободы, сколько оно не имело ранее». «Русский режим в Средней Азии, — писал он, — не допускает никакой антиисламской пропаганды и запрещает обращение мусульман в христианство. Такая религиозная политика русских властей выгодно отличается от действий англиканской церкви в наших колониях, чья миссионерская активность является просто поразительной, поскольку она жаждет создавать христианских неофитов, даже там, где они пока ещё не стали британскими

подданными»². При этом «царские власти в Туркестане оставили нетронутыми все принципы и учреждения в традиционном быте мусульман, не отменили вакуфы мечетей, медресе и “святых мест” — мазаров»³. Как отмечал Кёрзон, русское правительство мало вмешивалось в конфессиональную жизнь мусульман Средней Азии, тем более в их паломничество к «святым местам». Даже явный русофоб англичанин А. Краусс заявлял: «Нельзя отрицать, что русская система управления хорошо приспособлена к нуждам народов Средней Азии и именно ей они обязаны переходом от рабства и насилия к безопасности жизни и стабильности порядков»⁴. По мнению Э. Рональдшоу, «если брать за главный критерий — успех, то отношение России к туземным народам Туркестана показывает заметное превосходство над нашим в Индии»⁵.

Французский путешественник и разведчик Г. Бонвало указывал, что не только население Русского Туркестана, но и «все народы и племена, окружающие Британскую Индию, устремляют свои взоры на Россию и русских и ждут от них чего-то хорошего». «Завоевать доверие азиатов, — считал он, — дело очень трудное, но многие из недовольных англичанами гиндукушцев говорят: “Когда русские будут здесь — всё будет по-другому”»⁶. О свободном паломничестве мусульман к «святым местам» в Русском Туркестане сообщали также датчанин О. Олуфсен⁷ и швед С. Гедин⁸. Довольно взвешенно и объективно освещалось отношение царских властей Туркестана к «святым местам» и паломничеству к ним и в зарубежной историографии. Так, Ю. Бэкон констатировал, что в 1880-е гг. в регионе «произошло резкое снижение авторитета мусульманских святых — могил святых (мазаров) и паломничества к ним местных мусульман... даже такие святые места, как мавзолей Шах-и Зинде посещало мало паломников»⁹. Однако исследователь вовсе не связывал данный процесс с запретительными мерами туркестанской администрации, действовавшей, по его оценке, вполне толерантно. Лишь в постсоветский период, преимущественно среди историков Узбекистана и Туркмении, на волне критики «колониализма» стало распространяться представление о том, что «российский режим» (и царский, и советский) притеснял религиозные чувства мусульман Туркестана и, в частности, запрещал им зиярат — не признаваемое каноническим исламом, но популярное в Поволжье, на Кавказе и в Средней Азии паломничество к могилам местных «святых».

Не трудно установить, что законодательство империи не ставило никаких препятствий для паломничества мусульман Русского Туркестана к их *традиционным* «святым местам». Более того, ни в одном «Положении», регулировавшем управление Туркестанским и Степным краями и их областями, о мусульманских «святых местах» и паломничестве к ним даже не упоминалось¹⁰. Вместе с тем местными властями устанавливались специальные нормы, регулировавшие устройство новых мест поклонения (множество прошений об этом поступало в областные правления и краевую канцелярию). Поначалу открытие новых

² Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. L., 1889. P. 393.

³ Ibid.

⁴ Krausse A. Russia in Asia. A record and study. 1558–1899. L., 1900. P. 136.

⁵ Ronaldshaw E. On the outskirts of Empire in Asia. L., 1904. P. 4.

⁶ Bonvalot G. Through the Heart of Asia over the Pamirs to India. Vol. 1. L., 1889. P. 14–15.

⁷ Olufsen O. Through the unknown Pamirs. The second Danish expedition. 1898–1899. L., 1904. P. 47.

⁸ Hedin S. My life as explorer. N.Y., 1925. P. 121.

⁹ Bacon E.E. Central Asia under Russian Rule. A study of Cultural Change. N.Y., 1966. P. 113.

¹⁰ ПСЗ-II. Т. 40. Отд.1. СПб., 1867. № 42372; Т. 43. Отд.2. СПб., 1873. № 46380; ПСЗ-III. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 318–344; Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6576. С. 70–75; Т. 11. Отд.2. СПб., 1894. № 7574. С. 142. См. также: Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1900. С. 265.

«святых мест» в Туркестане предполагалось предоставить генерал-губернатору, но известные исламоведы края Н.И. Гродеков, Н.П. Остроумов, В.П. Наливкин, Н.С. Лыкошин и др. резонно указали на то, что непосредственное участие в этом деле «главного начальника края», с одной стороны, придаст слишком большое значение данным объектам, а с другой — обратится в формальность, поскольку краевой канцелярии будет непросто определить, насколько тот или иной умерший мусульманский «праведник» заслуживает официального признания места его погребения «святым». В результате правом разрешать открытие новых «святых мест» были наделены военные губернаторы областей, лучше знавшие положение на местах. Именно им следовало подавать в установленном порядке соответствующие прошения с изложением обстоятельств, указывающих на «святость» покойного. Разумеется, военные губернаторы никогда не принимали решений по таким вопросам без предварительного рассмотрения их в областных правлениях. Непременно запрашивались перед этим и мнения начальников уездов и участков приставов, хорошо понимавших обстановку и нередко помнивших покойных «праведников» ещё живыми. К их мнению, как правило, и прислушивались. В случае удовлетворения ходатайства, лица, подавшие его, получали выписку из утверждённого военным губернатором журнала заседания областного правления о дозволении открыть «святое место». После этого «святое место» признавалось законным объектом паломничества.

Следует отметить, что мусульмане обращались к такой практике лишь в тех случаях, когда при «святом месте» учреждался вакуф — пожертвованное ему благочестивым верующим (по завещанию) недвижимое имущество. Без разрешения областного правления вакуфные дарения считались недействительными. Если же вакуф отсутствовал, то мусульмане никаких прошений не подавали, справедливо полагая, что могут почитать могилу (мазар) «святого» без разрешения русских властей, точно так же, как они делали это при посещении иных сакральных объектов. Ещё со времён первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, управлявшего краем в 1867–1882 гг., власти относились к подобным паломничествам мусульман без особого энтузиазма, но с пониманием. Никто не хотел из-за «пустяков» обострять отношения с местным населением, запрещая людям посещать дорогие им могилы. Между тем сакральные объекты легко становились центрами многолюдных сборищ паломников, на которых ишаны, мадахи, дервиши, ризалачи и др. часто провозглашали враждебные России лозунги и вели беседы «неблагонадёжного» характера.

Несмотря на это, паломничество мусульман к «святым местам» в Туркестане пресекалось администрацией края только во время эпидемий, почти ежегодно охватывавших те или иные его части. Тогда всякое передвижение и перемещение людей, в том числе и паломников, немедленно прекращалось. Так, как сообщала 11 марта 1897 г. в № 10 авторитетная и популярная среди мусульман газета «Терджиман» («Переводчик»), издававшаяся известным общественным деятелем И. Гаспринским, «туркестанский генерал-губернатор (А.Б. Вревский. — *В.Л.*), после переговоров с бухарским эмиром и хивинским ханом, запретил совершать паломничество к “святым местам”, расположенным на территории Русского Туркестана и ханств из-за распространения холеры в этих государствах»¹¹.

¹¹ Абдирашидов З. Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883–1917). Токио, 2011. С. 103.

Но издававшиеся во время эпидемий циркуляры генерал-губернаторов и военных губернаторов областей не были самостоятельным «творчеством» местного начальства, а следовали требованиям «Устава о карантинах», утверждённого ещё 21 августа 1818 г. и затем неоднократно дополнявшегося¹². Им устанавливались жёсткие наказания за нарушение карантинных правил. В Российской империи убийства, разбои, грабежи и даже восстания против власти карались каторгой, но за ложное заявление об отсутствии «заразительных болезней», подделку документов о прохождении карантинных, самовольную отлучку или попытку сбежать из карантина, передачу какой-либо вещи или тайный провоз товаров в портах и на сухопутных таможах, а также за сопротивление «карантинным начальствам» полагалась смертная казнь (§ 230–237). На практике это спасало жизни тысяч людей.

Вместе с тем в Туркестане не только участковые приставы, но и генерал-губернаторы, и архиереи во время периодических служебных объездов часто и неожиданно навещали «святые места», а в некоторых случаях даже приветствовали их почитание. Так, летом 1892 г. в Ташкенте и других местах края вспыхнула эпидемия холеры. Русские власти сразу же запретили скопление людей на похоронах, засыпали могилы хлорной известью и т.п. Это нарушало традиции и ритуалы, но иначе эпидемия могла получить ещё большее распространение¹³. В результате пришлось усмирять ташкентский «холерный» бунт. При этом здравомыслящая часть мусульманского духовенства открыто поддерживала распоряжения администрации и помогала успокаивать население. Одним из наиболее авторитетных сторонников таких противоэпидемических мер был «магистр» накшбендийского ордена, престарелый шейх Абул Касим-хан, ещё при жизни считавшийся праведником. Он мужественно заявил о своей позиции, лично разъяснял её в гуще верующих, отчего сам заразился и вскоре умер. Туркестанские власти решили придать его могиле статус официального «святого места». 7 апреля 1893 г., на третий день праздника рамазан-хаит, её посетил генерал-губернатор барон А.Б. Вревский. В присутствии множества собравшихся мусульман он заявил: «Я и все русские начальники любим и уважаем таких добродетельных людей, каким был Абуль Касым-хан. Вот почему я здесь»¹⁴. После этого главный начальник края призвал всех мусульман совершать паломничество к могиле «святого» и роздал немало серебряных монет собравшимся для его поминовения. Через пять дней на могиле Абул Касим-хана побывал и епископ Туркестанский и Ташкентский Григорий (Полетаев). Он также хвалил мусульманского подвижника, призывал его единоверцев чаще посещать гробницу и раздавал серебряные монеты собравшимся на кладбище¹⁵. После этого почитание умершего ещё более возросло, паломничество к могиле постоянно нарастало, причём многие приходили из весьма отдалённых от Ташкента местностей.

В образованной 6 мая 1881 г. Закаспийской обл., до февраля 1890 г. подчинявшейся кавказскому начальству¹⁶, военная администрация также не препятствовала мусульманам открывать новые «святые места», не желая из-за них конфликтовать с недавно «замирёнными» туркменами. Но с 1890 г. ситуация

¹² См.: ПСЗ-I. Т. 35. № 27490. С. 474–517.

¹³ Советские историки также иногда полагали, что санитарно-гигиенические меры «оскорбляли» религиозные чувства мусульман: *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980. С. 69.

¹⁴ Туркестанские ведомости. 1893. 11 апреля. № 26.

¹⁵ Там же. 14 апреля. № 28.

¹⁶ ПСЗ-III. Т. I. СПб., 1885. № 142. С. 66.

изменилась. Новое «Закаспийское положение» передавало область в ведение Военного министерства¹⁷. Её начальником и командующим дислоцированными в ней войсками был назначен «старый туркестанец» генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин, с 1866 г. служивший в Средней Азии и являвшийся в 1881 г. «правой рукой» М.Д. Скобелева во время Ахалтекинской экспедиции (в том числе лично командовавший главной штурмовой колонной при взятии Геок-Тепе). По словам британских путешественников и разведчиков Ф. Скрайна и Э. Росса, «как гражданский правитель и командующий войсками Закаспийской области генерал Куропаткин показал редкое сочетание качеств, присущих гражданскому администратору и полководцу»: «Ринглер Томпсон, бывший посланник вице-короля Индии в персидском Хорасане, лично знавший генерала Куропаткина, писал о нём, что он — “холодный, терпеливый, расчётливо нейтрализующий любого, кто пытается встать на его пути, является не только великим администратором, но и — русским из русских”. Заняв пост военного министра, Куропаткин оставил после себя в Закаспийской области репутацию твёрдого, но справедливого руководителя»¹⁸.

В отличие от Туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского и его окружения, А.Н. Куропаткин хорошо понимал политический смысл паломничества мусульман к «святым местам» края и видел в нём существенный фактор роста исламистских настроений. Поэтому он изначально указал начальникам уездов и приставам области на недопустимость произвольного открытия новых объектов поклонения без разрешения властей. Поначалу мусульманское население не знало о таких распоряжениях, но вскоре почувствовало изменение обстановки. Так, в 1892 г. скончался «чудотворец» и мудрец Хасан-ишан, ещё при жизни почитавшийся «святым». Среди населения Закаспийской обл. и сопредельных с ней территорий его захоронение в ауле Кизил (в местности Сумбаре) быстро приобрело статус «святого места». В 1893 г. на могиле «святого» Хасан-ишана начали строить гробницу в виде мечети, делая это, как обычно, без разрешения начальника Красноводского уезда, потребовавшего свернуть работы. Сумбарцы пожаловались на него в канцелярию Куропаткина, который приказал узнать, станет ли это сооружение центром постоянного паломничества или мусульмане намерены собираться там только лишь в установленные памятные дни. 6 ноября начальник уезда сообщил, что «памятник», по заверениям жителей, будет служить для общественных «богомолений» в годовщину смерти «праведника». 15 декабря 1893 г. Куропаткин разрешил продолжать строительство при обязательном условии строгого соблюдения данного обещания и под контролем начальника уезда¹⁹. Такой порядок сохранялся вплоть до 1898 г., когда Алексей Николаевич стал министром, а Закаспийская обл. вошла в состав Туркестанского края. После этого у мечети начали постоянно толпиться ишаны, дервиши, матдахи и проч., нередко использовавшиеся турецкими, английскими, а позже и немецкими агентами.

Деятельность зарубежных (прежде всего турецких) эмиссаров заметно активизировалась в Туркестане после смерти Кауфмана. Его преемник М.Г. Черняев, некогда взявший Ташкент, считался сторонником сближения с мусульманским духовенством. В конце 1883 г. в Турук-наукатской волости Ошского уезда у мазара «Ходжа-Калян», пользовавшегося большим уважением у паломников,

¹⁷ Там же. Т. 10. Отд. 1. № 6576.

¹⁸ Skrine F.G., Ross E.D. Op. cit. P. 324.

¹⁹ Центральный государственный архив Туркменистана, ф. 1, оп. 2, д. 2809, л. 1–3 об., 4 и др.

появился некий проповедник, объявлявший себя ишаном и «диваной» («блаженным»). В начале 1884 г. начальник Ошского уезда капитан Томич сообщил военному губернатору Ферганской области генерал-майору В.Ю. Медынскому, что ишан специально избрал место наибольшего скопления верующих для проповеди «газавата» («священной войны») против русских и распространения антиправительственных листовок. В одной из них, приложенной к рапорту, говорилось: «Я Хазрет (святой. — *В.Л.*)... Если кафиры будут вредить мусульманам, да увидят несчастье над своей головой и то же самое да будет с теми, которые будут верить кафирам»²⁰. Медынский доложил об этом Черняеву и тут же получил по телеграфу приказ немедленно задержать агитатора. Однако волостному управителю Хасан-беку сделать это не удалось, поскольку ему воспрепятствовали киргизы, которых ишан записал в свои «мюриды». Томич вынужден был привлечь к делу взвод из расквартированного в Оше «линейного» батальона. Завидев русских солдат, киргизы тут же «без боя» сдали «Хазрета». На допросе выяснилось, что ишан был уроженцем Горного Бадахшана (Западного Памира) муллой Сайид-хальфа, получившим образование в Турции и посланным в Туркестан для антирусской пропаганды среди мусульман. Через некоторое время его выдворили за пределы края без права возвращения. Одновременно штаб округа направил сведения о нём начальнику Закаспийской обл. А.В. Комарову и семиреченскому военному губернатору Г.А. Колпаковскому. На возможность появления Сайид-хальфа в Бухаре было указано непосредственно эмиру Музаффару и его кушбеги (первому министру), обещавшим, что в этом случае ишан будет незамедлительно брошен в зиндан или выдан русским властям, если они того пожелают²¹.

Похожие события происходили в то время и в Кокандском уезде Ферганской обл., где у «святых» мазаров появился ишан по прозвищу «Шаглык», занимавшийся знахарством и возбуждавший паломников к выступлению против России. Когда помощник начальника уезда капитан Глушановский арестовал проповедника, оказалось, что тот никогда не бывал в Турции, а с помощью антирусской пропаганды надеялся укрепить свою репутацию «целителя» и привлечь побольше клиентов. После соответствующего внушения его отправили по этапу на родину — в Кураминский (Ташкентский) уезд, отдав под гласный надзор полиции и запретив отлучаться оттуда без ведома местного начальства²².

Незадолго до оставления должности Черняев создал из представителей мусульманского духовенства специальную комиссию «по составлению правил об устройстве духовного управления и учебной части мусульман Туркестанского края». В «Инструкции», данной генерал-губернатором её членам, указывалось в том числе и на необходимость упорядочения сведений обо всех имевшихся в крае мазарах, мавзолеях, гробницах, могилах и т.п., их состоянии и паломничестве к ним²³. Комиссия довольно активно принялась за работу, но вскоре была распущена, поскольку в начале лета 1884 г. Черняев покинул свой пост.

Сменивший его Н.О. Розенбах мало интересовался непосредственно мусульманскими святынями (строительству православных церквей он уделял гораздо больше внимания). Образованная им в июле 1884 г. комиссия под

²⁰ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее — ЦГА РУз), ф. 1, оп. 22, д. 598, л. 12—12 об.

²¹ Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). Елец, 2006. С. 325.

²² ЦГА РУз, ф. 1, оп. 22, д. 604, л. 7 об.

²³ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 20003, л. 3—3 об., 6—6 об. и др.

председательством военного губернатора Сыр-Дарьинской обл. генерал-майора Н.И. Гродекова (признанного знатока «кочевых» адатов и шариата), разрабатывавшая способы противодействия исламизации Туркестана, не нашла ничего особо опасного в почитании номадами «святых мест»²⁴. Большинство туркестанских архиереев того времени также считало, что ограничение паломничества в регионе, где мусульманскую веру издавна называли «исламом гробниц», негуманно, вредно и способно вызвать лишь возмущение коренного населения. Поэтому во второй половине 1880-х гг. власти края (прежде всего — уездные начальники и участковые приставы) ограничивались пресечением деятельности политических авантюристов — «джетым-ханов» («лжеханов»), время от времени объявлявшихся у сельских «мазаров». Их отлавливали и выдворяли за границу, не стесняя основную массу паломников, число которых вплоть до 1890-х гг. снижалось.

Восстание в Андижане в мае 1898 г. заставило серьёзно задуматься о том, как паломничества использовались турецкими эмиссарами. Ведь ишан Мухаммед Али (Мадали), прозывавшийся в народе Дукчи-ишаном (ишаном-веретенщиком), приказавший вырезать спавших в казарме русских солдат, активно вербовал своих «мюридов» именно среди паломников, регулярно посещая «святые места» Ферганской обл. Для расследования причин бунта и выявления его зачинщиков была образована комиссия под председательством военного губернатора Сыр-Дарьинской обл. генерал-лейтенанта Н.И. Королькова. Ей, в частности, удалось установить, что накануне восстания на территории Туркестана неожиданно «открылись» новые «святые места» на давно заброшенных могилах малоизвестных людей, объявленных вдруг «шахидами» — «борцами за веру», погибшими от рук русских «кафиров». Ишаны, дервиши, матдахи, ризалачи и др. призывали мусульман поклоняться этим захоронениям не только, как обычно, в сельской местности, но даже в областных городах. Так, летом 1898 г. начальник Верненского уезда сообщал семиреченскому военному губернатору о том, что на мусульманском кладбище города Верного одна из могил, десятки лет остававшаяся заброшенной, вдруг была объявлена «святой», «убрана цветами и обсажена деревьями». У неё появился «хранитель» — некий «таранчинец» (уйгур), который рассказывал всем, особенно кочевникам — казахам и кыргызам, что там якобы захоронен мужественный «гази — борец против неверных киргиз Раимбек»²⁵. «Таранчинец» призывал совершать массовое паломничество к могиле «борца» и щедро жертвовать на борьбу с «неверными», но, почувствовав внимание полиции, поспешил скрыться. После этого о «святой» могиле быстро забыли²⁶.

Генерал-лейтенант С.М. Духовской, назначенный туркестанским генерал-губернатором буквально перед началом андижанского бунта, потребовал, чтобы военные губернаторы областей представили свои соображения о причинах мятежа и необходимых изменениях в управлении духовными делами мусульман. С 21 сентября начали поступать соответствующие материалы, но о «святых местах» и паломниках в них практически ничего не говорилось²⁷.

7 января 1899 г. была сформирована специальная комиссия, которой предстояло обработать собранные отзывы и наметить конкретный план действий.

²⁴ В состав комиссии также входили Н.П. Остроумов, В.П. Наливкин, М.И. Бродовский, В. Абграм и др. Подробнее см.: *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (По архивным материалам). Елец, 1998. С. 158–161.

²⁵ Центральный государственный архив Республики Казахстан, ф. 41, оп. 1, д. 96, л. 27–28.

²⁶ РГИА, ф. 565, оп. 1, д. 3193.

²⁷ ЦГА РУз, ф. 1, оп. 11, д. 1724, л. 18–29.

Весной она уже представила на рассмотрение совета туркестанского генерал-губернатора ряд проектов, включая «Положение об управлении духовными делами мусульман Туркестанского края». В первой же его статье указывалось: «Мусульманам Туркестанского края предоставляется свободно совершать общественные богомоления в мечетях, а также при мазарах... и других почитаемых ими местах»²⁸. В ст. 1 проекта «Инструкции по наблюдению за духовным управлением мусульман Туркестанского края» отмечалось, что «областная и уездная администрация обязаны иметь подробные списки всех мечетей, мазаров... и вообще почитаемых мусульманами мест»²⁹. В ст. 4 на областные и уездные власти возлагалась обязанность следить за тем, чтобы у мазаров и иных «святых мест» не осуществлялось антирусской агитации и незаконного сбора средств для зарубежных религиозных центров³⁰. Но о каком-либо ограничении зиярата речи не шло. В «приложении» к ст. 6 оговаривалось лишь, что всякая торговля «священными для мусульман предметами может быть произведена не иначе, как с ведома администрации»³¹. Это объяснялось широким распространением в крае фальшивых реликвий. Как писал М.Э. Никольский, «из привезённых из Геджаса (Хиджаза. — В.Л.) волос Магомета можно сделать сотни тысяч париков, а из кусочков его плаща — сшить платья для целой армии»³². Предполагалось также вести постоянный учёт всех шейхов — хранителей при мазарах, ишанов, дервишей и других «неблагонадёжных» лиц, постоянно находившихся у «святых мест» с разными целями — от поиска пропитания до политической пропаганды³³.

На основе материалов комиссии был подготовлен обширный всеподданнейший доклад Духовского «Ислам в Туркестане», в котором, в частности, рекомендовалось «строжайше» запретить «устройство новых мазаров... и мубарак» (священных объектов. — В.Л.)³⁴. Этот текст Николай II, судя по резолюции, «прочитал с интересом», а 11 сентября разработанные комиссией проекты, ещё раз обсуждённые в совете, канцелярия генерал-губернатора направила на рассмотрение военного министра, который передал их для тщательного изучения в Азиатскую часть Главного штаба, где была составлена обстоятельная «докладная записка». Хорошо зная Туркестан, Куропаткин не одобрял благодушное намерение местных властей разрешить мусульманам проведение общественных богомолений не только в мечетях, но и при мазарах, гробницах, могилах и т.д. По его убеждению, это способствовало бы искусственному скоплению там мусульман и использовалось бы «неблагонадёжными» ишанами, дервишами, матдахами, а также зарубежными эмиссарами для разжигания антирусских настроений среди «туземного» населения³⁵.

4 мая 1900 г. Куропаткин сообщил о своих соображениях министру внутренних дел Д.С. Сипягину, переславшему поступившие документы в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, и С.М. Духовскому. 6 июля совет туркестанского генерал-губернатора, ознакомившись с замечаниями военного министра, решительно высказался против запрещения

²⁸ Там же, ф. 717, оп. 1, д. 16, л. 409.

²⁹ Там же, л. 409 об.—410.

³⁰ Там же, л. 410.

³¹ РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 182, л. 11.

³² Никольский М.Э. Паломничество мусульман в Мекку // Исторический вестник. Т. 32. 1911. № 4. С. 292.

³³ РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 182, л. 11 об.

³⁴ ЦГА РУз, ф. 1, оп. 11, д. 1725, л. 238.

³⁵ Там же.

общественных богомолений вне мечетей, поскольку это «могло бы вызвать серьёзное неудовольствие населения, которое, без сомнения, увидело бы в такой мере весьма значительное ограничение своих веками существующих религиозных обычаев»³⁶. Действительно, смысл паломничества состоял именно в том, чтобы совершать в почитаемом месте общие молитвы. Куропаткин не мог не понимать, какие затруднения и опасности возникнут в случае запрещения молиться у «святых мест». Но он заботился о том, как сдерживать рост панисламизма и пантюркизма в Средней Азии, тогда как в Туркестане стремились сохранить привычные отношения с мусульманами. 3 августа Духовской отправил постановление совета в Азиатскую часть Главного штаба³⁷.

Тем временем в МВД, безусловно зная об этих разногласиях, решили поддержать администрацию края. Выдержав паузу (свыше десяти месяцев!), 19 марта 1901 г. Сипягин подверг критике замечания военного министра и предложил, ссылаясь на успешный, как ему казалось, опыт Крыма, разрешить мусульманам молиться везде, где они пожелают, если это не мешает другим. Он также рекомендовал не трогать «бездокументные» (не имевшие ханских ярлыков на владение) вакуфные имущества «святых мест» Туркестана, но взять их под правительственный контроль для того, чтобы сохранить от сознательного разграбления мутевалиями (уполномоченными по завещанию дарителя надзирать за вакуфами) и мусульманским духовенством³⁸. В целом военная прямолинейность в решении конфессиональных проблем явно казалась чиновникам Департамента духовных дел иностранных исповеданий неприемлемой.

2 апреля 1902 г. Сипягин был убит эсером-террористом. Куропаткин сразу же вступил в переписку с новым министром внутренних дел, пытаясь убедить его в своей правоте, но смог добиться от В.К. Плеве только туманного заявления (сделанного 26 августа) о том, что «места общественного богомоления должны быть разграничены от других массовых проявлений мусульманского религиозного быта»³⁹. Более вопрос не обсуждался ни на краевом, ни на областном, ни на правительственном уровне. Проекты комиссии Духовского были отвергнуты. Вскоре началась Русско-японская война, а затем и революция. Мусульмане продолжали совершать паломничества к «святым местам» так, как они это делали всегда — свободно и беспрепятственно, хотя надзор со стороны власти не только сохранялся, но и усиливался. После андижанского бунта 1898 г. правительство сразу увеличило число участковых приставов более чем на 30 человек, а впоследствии их стало ещё больше. В начале XX в. в штабе Туркестанского военного округа было сформировано VI (контрразведывательное) отделение, которым руководили жандармские офицеры. Военная контрразведка сыграла немалую роль в борьбе со шпионажем в Средней Азии. Зарубежные агенты систематически отлавливались и изгонялись. С осени 1907 г. в крае действовало Туркестанское районное охранное отделение, подчинённое Департаменту полиции МВД. Со временем оно создало среди мусульман довольно обширную агентурную сеть.

Таким образом, администрация Русского Туркестана, мягко регулируя открытие новых «святых мест», рассматривала паломничество к ним как традиционное явление и не только не создавала препятствий для зиярата, но и последовательно выступала против любых его ограничений, за исключением случаев, связанных с распространением эпидемий.

³⁶ Там же, ф. 717, оп. 1, д. 16, л. 13 об.

³⁷ Там же, ф. 1, оп. 11, д. 1724, л. 157–157 об.

³⁸ Там же, л. 164 об., 165, 166 об.

³⁹ Там же, л. 215.